

Александр Ермак

Гренобль
и
Пифагор

Москва 2019 А.И. Publishing

Александр Ермак Гренобль и Пифагор

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Живут на краю деревни под одной крышей два человека. Вместе их свела любовь к выпивке. Пагубная страсть полностью подчинила себе когда-то вполне приличных людей. Но с каждым днем человеческого в них остается все меньше...

Александр Ермак

Гренобль и Пифагор

Пифагор проснулся и почувствовал себя мужчиной. Мужчиной без трусов. Его собственные, последние, давно истлели, развалились. А чужие носить он брезговал. Хотя вот одежду верхнюю чужую одевал. И еще спал на чужом матрасе, укрывался чужим одеялом, жил в чужом доме, питался чужой едой. Своего у Пифагора ничего не было. Ничего.

Пифагор вздохнул и беспокойно глянул на стол. Нет, там все в порядке. Между грязной пустой разносортной посудой стояла бутылка. В ней было. Было ровно столько, сколько нужно утром на двоих.

Он посмотрел в сторону Гренобля. Спит еще. Зарылся, как обычно, в свои лохмотья на старом диване. И носа не высовывает. Холодно в старом доме по утрам.

Пифагор пощупал печку, к задней стороне которой примыкала его железная скрипучая кровать. Остыла печка за ночь. Совсем остыла.

Вылезать из постели было холодно. Но он скинул с себя побитые молью и временем чужие одеяла. А простыней у него не было.

Подошел к столу и вылил в стакан из бутылки ровно половину. Судорожно проглотил. Не закусывая. Нечем было закусывать. Да и незачем. Ел Пифагор в последнее время ма-

ло. Как и Гренобль.

Быстро влез в безразмерные штаны, накинул пиджак и фуфайку, присел у окна.

Пифагор глядел на пустую серую в утренних сумерках дорогу. Никого на ней не было. В поле в это время года еще не выходят – сугробы там в пояс. Только к обеду протарахтит мимо дома трактор, потащит к ферме волокушу с сеном. А до тех пор вряд ли кто забредет, заедет в их край деревни. Да и кто ему еще нужен?

Он снова вздохнул и вздрогнул. Водка уже упала в желудок, уже начала растекаться с кровью по телу, и все-таки было холодно. В старом доме холодно по утрам. На улице март. Хоть и топят Пифагор печь с вечера, а к утру дом совсем остывает. Снова надо топить, чтобы согреться. И чтобы Гренобль вылез из своих лохмотьев. Он ведь может и весь день проваляться, если не протопишь. Нет, хотя бы один-то раз тот обязательно вылезет.

Пифагор посмотрел на стол и встал, ткнул легкую без засова дверь. Запираться им было не от чего. Не от кого.

Вышел на улицу. Там было светлее, чем казалось из-за залапанных, залапанных, растресканных оконных стекол.

Он прошел по двору, пригнувшись под веревками, на которых болталась разномастная одежонка. Кому из соседей с этой стороны деревни жалко было выбрасывать поношенное старье, так приносили и оставляли на пороге. Пифагор брезговал одевать чужое сразу. А стирать – это было слишком

долго и утомительно, и заботно – мыло, горячая вода... Вот он и наловчился развешивать для стирки одежду на веревках. От дождей, ветров, солнца и мороза она, правда, становилась серой, бесформенной, но зато начисто утрачивала запах прежнего хозяина да и вообще всяческую связь с ним. Увидь теперь бывший владелец эту старую свою одежонку на Пифагоре или Гренобле – ни за что не узнает.

Пифагор почесал щетину на щеке и вздохнул еще раз. Дров в дровянике не было. Как не было и самого дровяника. Его стопили в эту зиму. Прошлую зиму дрова были, и позапрошлую... Каждую осень Пифагор гнал хромающего Гренобля в лес, где они пилили втихую сосны. Прямо на месте превращали их в дрова и перетаскивали, перевозили на тачке ночами в дровяник. Участковый Василич толи не замечал их незаконных заготовок, толи делал вид, что не замечает. Лишнего они не брали, да и костра в лесу не палили.

А в эту осень было как-то не до того. Вот и остались на зиму без дров. Истопили дровяник. И летнюю веранду, что была под рукой, тоже разобрали на дрова.

Пифагор потоптался на месте дровяника, осмотрелся. По всему огороду желтел в грязном весеннем снегу бурьян. Ничего не выращивали Гренобль с Пифагором. Ни крыжовника с огурцами, ни гороха, ни моркови с луком. Да даже и картошки, укропа у них не росло. Ничего. Бурьян повсюду то зеленел, то вот желтел, вымораживался, сох на растопку.

Вокруг огорода с домом был крепкий забор. Но коли нет

ничего в огороде, да и в самом доме шаром покати, то зачем забор? После дровяника и летней веранды истопили уже и большую часть забора. Длинного забора. Много земли было при доме. Хорошей черной жирной земли. Вон как бурьян на ней прет. Чуть не в человека вымахивает.

Пифагор, не спеша, с остановками, с передыхом наломал пару больших охапок штакетин. Хватит печку нагреть, чтоб дом не промерз совсем. А вечером еще раз к забору ходит. Гренобля не допросишься, он, чуть что, сразу же:

– Я – инвалид, я – инвалид...

Печь загудела. От нее пошло тепло, и Пифагор, уже согретый борьбой с крепкими штакетинами, даже расстегнул фуфайку и откинулся на спинку старого, но все еще выносливого венского стула. Он любил этот стул. Его тонкие, мягкие, округлые формы. И особую гладкость так и не утраченного за долгую жизнь черного лака.

Взгляд Пифагора попал на настенный календарь, и он опять стал мужчиной.

Календарь притащил откуда-то Гренобль. «По случаю». Это было обычным объяснением Гренобля, когда он приносил что-либо в дом. Пифагор не расспрашивал, знал, что, скорее всего, попросту спер, пока кто-то зазевался. Гренобль ведь особо не раздумывал, когда видел что-то ему интересное и без пригляда. В его безразмерной амуниции можно было мамонта спрятать и унести – никто не заметит.

А календарь по всем статьям знатный. И не старый – пря-

мо на этот самый настоящий год. И женщина на нем красивая – что ни на есть голая. Ну, просто напрочь. Со всеми грудями и прочими интересными местами.

Пифагор засмотрелся на эти самые места и понял вслух:

– Сегодня суббота.

И громко повторил:

– Сегодня суббота...

Гренобль зашевелился в своих лохмотьях, потянул носом, учуял дым от печи и выпростал наружу взъерошенную местами голову. Череп его был наполовину лыс – спереди и в середине. Другая половина в окантовку лысины – патлата.

Вороний глаз Гренобля прищурился в бутылку. На диване у стены ему было холоднее, чем при печи. Просился Гренобль на широкую кровать к Пифагору, но тот брезговал спать с мужиком в одной постели, хотя бы и без простыней. Вот и мерз зимними ночами Гренобль на своем диванчике у стены, зарывался с головой в старые одеяла и просто во всякую рвань – в ошметки пальто, курток, ватных штанов. Печь-то была небольшой – позади ее припирала кровать Пифагора, а передком выходила она на кухонку, где диван не помещался, а спать на полу там было еще холодней, чем в единственной в доме комнате – дуло там из разбитого, хотя и заткнутого тряпкой, окна. В комнате на диванчике было все-таки теплее. Но холодно.

Не из-за зябкости поднялся с диванчика Гренобль. По большой нужде. Он подошел к столу и, взяв бутылку, влил

в себя остаток.

– Хоть бы в стакан налил, – неодобрительно заметил Пифагор.

Гренобль молча кивнул, соглашаясь, и двинул на улицу. К сортиру без двери. Тоже стопили. Дверь-то. Все равно без надобности.

Когда Гренобль вернулся, Пифагор все еще смотрел на календарь.

– Чего там нашел? – спросил Гренобль и вдруг догадался, оживился: – Праздник какой?

Праздник – это, значит, можно пойти к магазину и выпить с кем-нибудь за так, за компанию. В такой день мужики деревенские заходят за законной в глазах законной супруги бутылкой, и кто несет ее бережно домой к столу, к огурчикам, помидорчикам, грибочкам, квашенной капустке, мясистой ляжке, белой простыне, а кто и открывает ее, родимую, тут же за углом магазина, и пьет, пьет – не допивает – хочет поговорить, но не о какой-то там уже по счету двойке сына, не о тле, нежданно-негаданно напавшей на крыжовник, не о постном – черт бы его побрал – навозе, а о самой что ни на есть мировой экономике или даже, еще лучше, о глобальной, эти ее мать, политике:

– На, глотни, черт. Скажи только, подымется наша держава или утремся опять?

И ответить нужно правильно.

Скажешь:

– Подымется.

Прогодаешь, не поверит умудренный жизнью мужик.

Брякнешь:

– Утремся.

Тем более не поверит, обидно ведь это.

Нет, надо сказать правильно, верно:

– Это ведь как посмотреть. У супостатов, конечно, сил много. Но с обратной стороны, и мы тоже не лыком шиты. У нас бюджет-то растет – раз, и рождаемость прет – вот те два. Ну а если взять и еще пошире умом раскинуть?...

Главное поддержать разговор. Чем он дольше, тем приятнее сбежавшему ненадолго от домашних забот мужику, и тем больше глотков достанется. Глядишь, и соскучившийся по великим делам еще раз в кошелек свой заглянет, и за другой бутылкой сходит-пошлет. Да, по политической части Гренобль был большим знатоком. Не чета Пифагору, который в разговорах таких молчал больше. Потому и наливали ему реже.

Еще у магазина даже и не в праздник можно было Юрика с Альфредом встретить. Эти двое по всей деревне, по родне близкой и дальней, по соседям да по одноклассникам бывшим шатаются, копейки сшибают. И если у Гренобля с Пифагором только мелочь звенела в кармане, то шли они в долю с Юриком и Альфредом. Гренобль легко. А Пифагор скрепя сердце. Не любил он этих Юрика с Альфредом – всю жизнь они тунеядцы – мелкие пакостники, и поговорить-то с ними

не о чем. Юрик все треплется о том, когда, как и кого обманул, что украл, как на зону ходил и как там от настоящих уроков да начальников спасался. Таковую мерзость про лагерную жизнь рассказывает, да еще и бахвалится этим. Альфред же все вспоминает, как в городе в институте учился и вместо занятий ходил играть на бильярде. Это на те деньги, что ему мать – уборщица в деревенском правлении – высылала, себя впроголодь держа, объясняя деревенским:

– Выучится, вернется, мать по гроб жизни обеспечит...

Выучился безделью и пьянству. Вернулся и тянул, тянул из матери последние копейки, последние силы. Не вынесла она напряжения душевного. Обеспечил мать гробом. Так говорили в деревне.

Чесались кулаки Пифагоровы, но он себя придерживал – нет у магазина больше таких постоянцев, с которыми войти в долю почти всегда можно. И терпел Пифагор Юрика с Альфредом. Хотя ой как непросто это было. Глаз да глаз за ними нужен – постоянно жульничают. Зазеваешься, и очередь твою на долю пропустят, или нальют себе в стакан на глоток больше. Тунеядцы и аферисты, одним словом. Плохая это компания. Был вот в деревне хороший мужик – одинокий сторож складской Леонтий. Спокойный такой, рассудительный, честно всегда разливал. У него по жизни накопления имелись, и угостить он запросто мог Пифагора с Гребнем, когда им не на что было. Так взял же вот и повесился Леонтий ни с того, ни с сего. Племяннику все свое хозяй-

ство оставил.

Еще выпить без денег можно было на деревенских могилах. Когда Гренобль предложил Пифагору в первый раз сходить на кладбище, поискать наполненные родственниками покойных рюмочки, он чуть его не побил. Гренобль потому пошел один и вернулся весьма довольным. Пифагор же в тот день бедствовал. И в следующий раз пошел-таки с Греноблем обходить кресты, с оставленными возле них печеньем-конфетками и посудинками, наполненными до краев.

– И выпить, и закусить, – приговаривал Гренобль, поднимая с могилки очередную рюмку с конфеткой.

Можно было на могилах поправиться. Можно, но не каждый день. И не каждый месяц. Мрет народ в деревне как-то не постоянно, и оставляет у креста поминальную по ранее усопшим тоже не часто – по полагающимся траурным дням.

Гренобль все всматривался, всматривался в календарь, но после давно отпразднованного международного женского дня других подчеркнутых им самим ранее чисел не видел.

Пифагор, наконец, пояснил:

– Суббота сегодня. К Маньке пойдем.

– Суббота, – согласился Гренобль, потом почесал лысину, примял стоявшие дыбом в окантовку грязные патлы и пожал плечами, – Пойдем.

Манька жила на другом конце деревни. Также в крайнем доме. Также без замка, без дровяника и без простыней.

Жила она одна да не одна. Сын, вроде, был у Маньки. Не

ведомо от кого. Хороший такой пацан. Манька совсем за ним не глядела – не до того было, а он и вон какой вырос: в школе почти на пятерки одни учился, за домом, за нехитрым хозяйством, как мог, следил и матери никакого укора не высказывал, когда к ней на соседнюю кровать пьяные мужики приходили. А потом что-то ему в голову ударило, и сбежал он из деревни, то ли отца искать, то ли просто приключений, а то ли просто сбежал. Про него никто больше ничего не слышал. Может, в другом месте кончил школу, а может даже уже и работает в хорошем месте, и не вспоминает о пьяной матери с соседней кровати. А может, и сгинул где, как бывало и с другими деревенскими. В драке ли, в лагере, пьяным ли под колесами... Кто знает... А может, и вернется вдруг еще. Сам ли, с супругой ли – автомобилем на побывку к матери. А вдруг возьмет да и заберет ее с собой куда подальше из дома на краю деревни...

– Суббота сегодня. К Маньке пойдем. И в баню..., – продолжал смотреть на календарь Пифагор.

– В баню, так в баню, – опять же не спорил Гренобль. Спорить было себе дороже. Пифагор был крупнее и сильнее. Однажды ночью Гренобль выпил из бутылки все, что было оставлено для двоих на утро. Пифагор крепко побил его. По голове и по ребрам. И ребра и голова запомнили. Накрепко. Больше Гренобль не своевольничал и наперекор Пифагору не шел. Он вообще никогда не шел наперекор. Никому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.